

1924

Фин
5555

О К Т Я Б Р Ъ
М Ы С Л И

№ 3-4

**КУЛЬТУРНОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО
ПРОЛЕТАРИАТА**

Библиотека
им. Н.А. Некрасова

МОСКВА

Леф.

Журнал левого фронта искусств. № 1. 1924 г.
Госиздат.

О „Лефе“—журнале первое и основное—год с хвостиком тому назад читали мы в № 1, как один из пунктов программы, следующее:

„Леф“ будет агитировать нашим искусством массы, приобретая в них организованную силу“.

Так. Что же делал „Леф“?

Завоевал в известной мере своего, широкого, революционного потребителя,—это рабфаковцы, вузовцы, передовые рабочие.

Стал боевым органом молодых искусствовстроителей, органом, руководящим работой организаторов нового общественного вкуса, идущего „снизу“, оформляемого в рабочих клубах.

И „Леф“ не отказывался от первоначально занятой позиции,—так в предпоследнем 4-м № читаем:

„Леф“ неуклонно развивает намеченную работу“ (Леф и МАПП, стр. 3).

Так ли это? Сохранил ли „Леф“ свою прежнюю физиономию в отчетном номере? Сомнительно.

Прежде всего практика. Чья? Стихи, Д. Петровского, В. Каменского, В. Пастернака, С. Третьякова. Проза—Артема Веселого и Бабеля. Все это занимает общим счетом (с комментариями) 47 стр. (в номере 160). Речь идет о качестве. Где там „наше искусство, агитирующее массы“?

Вот хорошенькая безделушка Д. Петровского: „Песня червонных казаков“. Вещь „вне времени“, не плохо сделанная, но чем она может те перь агитировать за „Леф“?

„Гимн 40-летним юношам“ В. Каменского, не вылезавшего (да и не могущего вылезть) из своих детских лит-пеленок?

„Высокая болезнь“ В. Пастернака. Длиннейшие и томительнейшие стихи, писанные „стилем раскаяния патриарха Тихона“ (есть такой). Прекрасно! У В. Пастернака „высокая болезнь“, у него „родился эпос“ (кажется стихи-то о революции), но при чем тут „Леф“ и массы?

Зачем так испытывать и пытаться читательское терпенье?

Лучше перечисленного поэма Третьякова „Рычи Китай“.

Тут видно, по крайней мере, что вещь сделана сегодня и сделана с присущим С. Третьякову мастерством. Но это прежде всего эксперимент, интересный опыт использования „звуковых вывесок“ китайских ремесленников и торговцев. Прошло время агитировать этим. И какие массы эта вещь может агитировать?

Разве что молодых, учащихся на старших, поэтов, да, пожалуй, школьников I и II ступени, как хорошее (серьезно) „наглядное“ пособие при изучении Китая.

Это стихотворная практика. Ее слабость в том, что стихи так себе, для приятного чтения. Возьмем беллетристику.

Конечно, в центре читательского внимания будет стоять „Вольница“ Артема Веселого,

вещь вообще, наиболее значительная в номере.

О чем и как пишет Артем Веселый?

О матросской вольнице, повести дел которой дан подзаголовок „Буй“.

Место и время действия.

„Праздничек“.

Весна восемнадцатого. Первая и аша весна. Кубань. Черноморье. Новороссийск. Ресефесерия. Пыл. Ор. Ярь. Половодье—урывистая вода.

Быстро развертывается повесть о том, как солдат Авдоким приехал из станицы в город за оружием—бить „контру“. Оружия не дают власти. Но есть в городе сила—флот, матросы. Они могут помочь. Но они пока „гуляют на берегу“. Гуляет с ними, от нечего делать, Авдоким. Гуляют так, что „стонут, качаются дома. Пляшут улицы“.

И вот в горсаду, пьяный митинг „со слезами, с музыкой“.

Результат—

„ночью же прямо из горсада на вокзал добровольческий отряд. Васьки Галагана партизанский отряд в триста голов. Ввалились к коменданту ревом. Оружье.“

Вынь да положь.

С пятого пути два вагона винтовок. Один Авдокиму достался“. Поехали братишки в „дальнюю дорогу“. Вот и все. Взят кусок яркой были, но как взят—с кровью, с мясом. У Артема Веселого подлинное, неопыльняченное половодье, бысть и пыл революции. Подлинная „братва“, пьяно-хулиганская и героическая.

И Артем Веселый встает перед нами, как большой писатель, действительно вскормленный революцией. Он мастер. Он умеет строить вещь, дать ей крепкий костяк (чего нет, еще, напр., в „Реках огненных“). Он умеет экономно и выразительно пользоваться словом. Его язык тоже „половодье—урывистая вода“.

И рядом с ним холодноватой стилистикой воспринимается рассказ Бабеля „Мой первый гусь“, сам по себе и хорошо написанный.

Вот вся практика „Лефа“ и как видим коренная, лефовская практика (Третьяков, Пастернак, Каменский) имеет в отчетном номере сравнительно-малый удельный вес.

Отдел „теории“ занят статьями В. Шкловского, В. Эйхенбаума, Л. Якубинского, Ю. Тынянова, В. Казанского и Б. Томашевского, посвященными языку Ленина. По существу все статьи связаны единой тенденцией—найти в Ленине, публицисте и ораторе, деканонизатора, новатора языко-пользования, снижающего традиционный „высокий стиль“.

Не вдаваясь в их разбор, скажу: статьи ценные и нужные, но не было ли бы целесообразнее издать их отдельной книжкой, чем помещать в журнале, основной потребитель которого отнюдь не спец-языковед и литератор.

От этого выиграли бы и журнал и читатели (статьи преимущественно исследовательского, специального характера).

А вопрос о ленинском языке можно осветить для массового читателя после более или менее подробных и полных изысканий. (Это лишь только начало и трудно делать выводы—можно лишь описывать).

На посту.

Ежемесячный литературно-критический журнал. № 1 (15). Май.

Главное достоинство журнала—это его постоянство. В чем, в какой цели, в средствах ли борьбы,—это вопрос другой. Но напористость, количество затраченной энергии (бумага, деньги, силы редакции), упрямство поразительны и, право, заслуживают более достойной участи. Его гонят издатели, его всячески заушают,—одни лишь тернии на его пути,—одно время казалось даже, что погиб журнал в расцвете своих сил, в расцвете своей славы (достаточно, правда, грязной), а он, вдруг, вновь высунул свою злобно-ошестинившуюся морду и облаял, да еще как, своих гонителей и хулителей.

№ 1 (5) типичен для всех номеров. Те же нечистоплотные приемы борьбы, истерический вой на противников, воспевание своих соратников.

Пример неразборчивости в средствах в № 1 (5) „На посту“ дан Ил. Вардиным „(Воронщину необходимо ликвидировать)“. Надо загрязнить, оплевать тех писателей, которые решились „сметь свое суждение иметь“. Потом пускай доказывают, что они не верблюды.

Главная цель достигнута,—политически они заплеваны, опельмованы,—противник частично скомпрометирован. Какими средствами? Это Вардина и всех напостистов мало интересует.

Не важно, что от них—от МАПП'а, писатели бегут, как от злокачественной болячки. Напротив—ага, убегаете, так вот же вам:

„Воронский чрезвычайно радуется „решительному разрыву с так называемым МАПП'ом доброй половины молодняка, уже проявившего себя в литературе“. Он называет имена Артема Веселого, Голодного, Ясного, Светлова, Костерина...

... Названная группа состоит из лиц политически слабо развитых, идеологически мало-устойчивых, настроенных полуанархически, озлобленных тяжелой бытовой обстановкой...

... Мы утверждаем, что Воронский, отколов от МАПП'а группу Артема Веселого, подчинил ее буржуазному влиянию...

... Вдохновляемый Воронским, Артем Веселый договаривается до того, что настоящие писатели у нас даже не среди попутчиков, а... в эмиграции“...

Читателю ведь не все же известно, сколько в этих грязных плевах правды.—А такими путями приобретает доверие к пролетарской литературе!

В общем № 1 (5) слабее предыдущих. Особенно остро даст себе знать отсутствие лефовской критики и полемики. Их лом и розги очень нужны сейчас, когда над нашим литературным молодняком и свежим читателем нависли величественные зады „русских современников“.

А. Е.

Таким же приемом пробуют свалить и своих идеологических врагов—А. Воронского. и Л. Троцкого. Делается просто,—несколько ловко выкроенных вырезок из белых газет, к ним соответствующая приправа из словесных вывертов, круто сдобренная руганью, и дело сострипано.

Следом за Ил. Вардиным вприпрыжку поспешает Юр. Лебединский „(К вопросу о личности художника)“. С серьезным видом знатока, Лебединский делает экскурсии к устной литературе, к Гомеру, устанавливает зависимость художника от данной общественной обстановки (попытка марксистского анализа вопроса)—в общем ворох не убедительных истин из „Азбуки Коммунизма“. В конце своей великой (по объему) статьи, Лебединский с болезненным сладострастием бичует себя за повесть „Завтра“, за свой отрыв от „масс“, отрыв от революционной действительности. А это, по мнению Лебединского, и помешало ему „Завтра“ написать лучше „Недели“. Благородное занятие благородных интеллигентов, бичующих себя за прегрешения вольные и невольные перед „народом“. Заглянуть бы Лебединскому в историческое зеркало,—там можно найти эту мало занятую физиономию кающегося интеллигента.

За Лебединским выезжает маститый вождь пролетарской литературы—Лелевич. Здесь он загримирован под Белинского,—п о д в о д и т „итоги“ 1923 года. И, конечно, приходит к выводу,—земля вертится, пролетарская литература живет, ширится, размножается и пр., все, что полагается на грешной земле. Но почему Лелевич к „достижениям пролетарской литературы“ подбрасывает Голодного, Артема Веселого, Светлова, А. Серафимовича?

Для веса. И это после того, как Лелевича опельмовали, литературные соратники устами Вардина, а Серафимович чурается МАПП'а и бегаёт от „На посту“ возможно подальше.

Или это тоже один из приемов игры, ловкость рук,—подсунуть материал читателю, заведомо не из своей лавочки.

Дальше на доброй половине журнала идет самое дикое необузданное самохвальство, воспевание своих поэтов и писателей. Все что вне МАПП'а о том вскользь, с поджиманием губок (Лелевич), с полупрезрительной миной,—„конечно... но, понимаете, это единичны... а знаете, наши платформы“... (Родов), с напыщенно-театральной, наполеоновской